

ЛИНГВОДИДАКТИКА

«Московский бедекер», или «Путешествие с классиком» (русская культура в иностранной аудитории)

© О. И. Судиловская, 2001

На кафедре русского языка для учащихся гуманитарных факультетов филологического факультета МГУ создается программа и апробируются материалы первой книги серии “Московский бедекер. Путешествие с классиком” – издания негерметичного, где будут нетрадиционно синтезированы традиционные жанры – хрестоматия, биографический очерк, историческая справка, комментарий к документальным фотоматериалам, топографическим картам, художественным иллюстрациям, информационный справочник по современной Москве. Цели данного проекта (программы и серии книг “Московский бедекер. Путешествие с классиком”) обусловлены теми прикладными задачами, которые актуализировались в методике преподавания РКИ в последние годы вследствие теоретических исследований проблем межкультурной коммуникации (МКК), взаимодействия языка и культуры [1, 2]. В рамках Программы предполагается коллективное решение актуальных научных и научно-методических проблем, разработка учебных курсов по аспекту “Московское культуроведение” для различных контингентов учащихся, подготовка соответствующих учебных пособий и других средств обучения.

Один из возможных методических подходов к решению прикладных задач в сфере МКК – разработка стратегии соединения виртуальной и не виртуальной реальностей в ходе аудиторных и внеаудиторных занятий по аспекту “Московское культуроведение”. Не только литература, но “история как наука”, по остроумному замечанию В. В. Красных, “представляется... во многом виртуальной дисциплиной. Факты, события, имевшие место в определенном месте в определенное время суть объективная действительность и в этом смысле должны бы быть элементами ДР (действительной реальности – *О.С.*). Однако они не существуют в сознании как “вещь в себе”, вне отношения к ним субъекта сознания, они включают оценки, трактовки, интерпретации, “вычитанную” из них или “вчитанную” в них логику, т. е. составляют ВР (виртуальную реальность – *О.С.*)” [3: 7]. Интенционально изучение (чтение и анализ – лингвостилистической либо литературоведческой направлен-

ности) художественного текста инофоном, пребывающим в стране изучаемого языка, является актом дискурсивным. На занятиях по аспекту “Московское культуроведение” предполагается обращение не только к тексту, но и к эпохе его создания, эпохе аутентичной креативно-витальной активности реального автора текста, если таковой имеется, и эпохе виртуальной активности героев рассматриваемого произведения. Для русского менталитета, как мы полагаем, Москва является *поливалентным прецедентным гиперфеноменом* как сама по себе в целом, так и территориально локализованная (Тверская, Таганка, Замоскворечье, Марьино Роща и др.). У носителя русского сознания, даже у не имеющего определенных знаний в историко-культурной сфере, существует индивидуальная “московская” “когнитивная база” (различной степени адекватности и редуцированности), и при упоминании об этих районах Москвы у него возникает цепь концептуальных ассоциаций. В связи с изначальным отсутствием у инофонов ориентации на русскую культуру как родную для них эти места не могут являться стимулами, активизирующими концепт. Поэтому в рамках занятий по москвоведению расширяется пропедевтическая установка на ознакомление учащихся с этими феноменами как памятниками чужой / чуждой культуры, то есть преподаватель должен не просто констатировать их наличие и эстетические достоинства, а раскрыть их прецедентный смысл. Без этого нельзя считать занятия по москвоведению полными, логически и методически завершенными. Ранее в рамках традиционных экскурсий “по местам жизни и творчества” таких задач не ставилось.

Проект “Московский бедекер” предпринимает следующий шаг на пути формирования в иноязычном сознании определенным образом структурированной индивидуальной картины, соответствующей фрагменту когнитивной базы, включая в нее прецедентные феномены, приоритет которых обусловлен сдвигами в российском лингво-культурном сообществе. Учащемуся предоставляется возможность знакомиться с авторским (автор – российский классик) вариантом фрагмента той или иной “московской истории” и параллельно наблюдать “декорации” исторических драм, пройдя по тем же улицам, заходя в те же дома, дворцы, храмы, куда заходили герои вымышленных или реальных московских происшествий. Проще говоря, будет предпринята попытка формирования необходимого уровня культурной компетенции учащихся, углубляя их представления о российской конкретике проникновением в яркие фоновые детали мира русской культуры.

Мы не можем не воспользоваться той возможностью, которую нам предоставила не виртуальная реальность в виде уникальных особенностей модерн-хронотопа. Целенаправленно осуществляемый в последние годы римейк старой Москвы (особенно реконструкция, материальная и

духовная, православных храмов) усиливает эффект присутствия на исторической сцене, что значительно расширяет возможности жанра традиционной экскурсии. Реконструкция как феномен обретет значимость символа перманентного возрождения, имманентно присущего России и Москве: взлеты и падения, пожары и широкий размах строительства, убоицы и соборность. Приглашая учащихся на прогулку по Москве, мы пойдем уже не по Большой Коммунистической улице, не по проспекту Калинина, а по Большой Алексеевской, Воздвиженке и пр. Как свидетельствует московская топонимия, «самым важным объектом в городе был храм – монастырь или церковь. Группа городских топонимов по храмам самая большая из числа названий по важным объектам. Среди «церковных» московских топонимов есть несколько разновидностей. Это в первую очередь названия по именам святых, мучеников, чудотворцев и т. п., в честь которых был основан храм, давший свое имя улице или переулку, на котором находился» [4: с.3].

Большая Якиманка (название дано по приделу Иоакима и Анны при церкви Благовещения в Голутвинской слободе, храм известен с XV века), Варварка (название дано по церкви великомученицы Варвары, воздвигнутой в 1514 году), Васильевский спуск (по церкви Василия Блаженного при соборе Покрова Божьей Матери, что на Рву, XVI век), Ивановский тупик (по церкви Ивана Воина, храм известен с 1625 года), Елисеевский переулок (по приделу Пророка Елисея при церкви Воскресения Словущего на Успенском Вражке, XVII век) – подобных агониимов много, и сами по себе они уже являются основой для лингводидактического осмысления.

Но, рассматривая эти факты как экстралингвистические феномены в контексте изменения культурной и духовной ситуации в России, мы сталкиваемся с необходимостью разрабатывать новые стратегические подходы оптимизации обучения для тех иностранных учащихся, у которых желание познакомиться с русской культурой создает основную мотивацию для изучения русского языка.

Первые выпуски издания «Московский бедкер. Путешествие с классиком» территориально герметичны. Авторы сосредоточили свое внимание на *Тегга Zamoscworechje*, что позволяет ввести учащихся в мир, где они сами найдут ответы на многие онтологические вопросы русской ирреальной и реальной ментальности – например, чем объяснить тягу героев Островского к Замоскворечью; почему лермонтовский герой, «удалой купец» Калашников, жил именно здесь; какие здания на Большой Ордынке проектировал Василий Баженов; где жил и находил прототипы для своих полотен Николай Неверов; какое здание теперь стоит на месте того дома, из которого отправлялись в Московский университет Алексей Филомафитский (создатель метода внутривенного

наркоза), Федор Иноземцев (врач, который пользовал Гоголя, Языкова, Ермолова), знаменитый Ключевский; как от здания, где теперь находится факультет журналистики МГУ, через Китай-город, Красную площадь и Зарядье пройти на Большую Полянку, по которой ходили и ездили герои русской истории и русской литературы.

В первое “Путешествие с классиком” читатель отправится с Иваном Шмелевым. Эта фигура является знаковой в современном экзистенциальном, православном, литературном и социальном контексте. 22 августа 2000 года на открытии памятника И. Шмелеву в Москве наши соотечественники говорили о том, что Шмелев вместе с Бунинным, Куприным, Струве и многими другими выдающимися деятелями культуры был выдворен из России. Но именно это заставило их совершить великий подвиг – сохранить в своей душе и в своем сердце то великое ощущение России, которое невозможно выдворить из человека.

Материалы, вошедшие в этот выпуск, содержат следующим образом структурированный корпус текстов:

- *информационные* – о Замоскворечье, малой родине Шмелева и его предков, о Донском монастыре, последнем приюте писателя (этнических, топографических, биографических, фотодокументальных);
- *художественные* (главы из романа “Лето Господне”, являющие манифестацию православной направленности творчества Шмелева-художника), дающие возможность экстраполировать их на топонимику современной Москвы.

Повести Шмелева “Лето Господне” свойственна удивительная простота и точность, что делает возможным представление в иноязычной аудитории оригинальных текстовых фрагментов, без дополнительной адаптации. Для этого произведения характерно полное отсутствие “живописных” метафор, образов, сравнений.

Повесть “Лето Господне” состоит из трех частей (“Праздники”, “Радости”, “Скорби”). В “Праздниках” каждая глава посвящена описанию религиозных праздников (от Великого Поста до Масленицы) и эмоциональных, душевных и духовных переживаний ребенка, вызванных этими религиозными событиями и подготовкой к ним. Обращение к теме детства традиционно для русской литературы (“Детство” Л. Толстого, “Детство Никиты” А. Толстого, “Детство Темы” Н. Гарина-Михайловского и др.). В не меньшей степени традиционны в русской литературе историческая и бытописательская линии. Но “Лето Господне” (равно как и повесть “На Богомолье”, сборник “Родное”) не поддаются привычному жанровому определению: “быль-небыль? миф-воспоминание? свободный эпос? [...] путешествие детской души: судьба, испытание, несчастье, просветление” [5: 5]. Важно, что духовное путешествие, становление русской души, воссоздается писателем, вир-

туозно владевшим именно техникой бытописания. В повести рождается особый мир, мир Замоскворечья, до осязаемости материальный, густо населенный, психологически убедительный.

Как известно, И. С. Шмелев родился в Москве, в богатой купеческой семье. Уже в 1812 году прадед Шмелева, по роду деятельности кадаш (мастер-кадочник, бондарь), жил в Кадашевской слободе и торговал посудой. Семья, уклад жизни в доме Шмелевых были традиционными: патриархальными и религиозными. Но основная жизнь проистекала не в доме, а “на дворе” – сперва в Кадашах, а потом на Большой Калужской, куда со всех концов России стекались рабочие-строители. Писатель вспоминал: “Слов было много на нашем дворе – всяких. Это была первая прочитанная мною книга – книга живого, бойкого и красочного слова... Во дворе было много ремесленников – бараночников, сапожников, скорняков, портных. Они дали мне много слов, много неопределенных чувствований и опыта...” [6: с.143]. Этот микрокосм, населенный плотниками, каменщиками, малярами, ломовыми извозчиками и прочим работным людом и наблюдает в течение года маленький Ваня, сюжетобразующий герой повести. Нарисованный рукой мастера, уже сам по себе этот мир стал объектом пристального внимания филологов. На первый взгляд, в практике преподавания РКИ тоже можно было бы найти нишу для цикла занятий на тему “Лингвостилистический анализ повести Шмелева “Лето Господне”” (условно). Можно было бы, преодолевая сопротивление материала, добиться адекватного понимания учащимися таких лексических единиц, как, например, *отонка, подседы, серячок, выносной, азым, семитка, липнячок, бурачок, поголенки* и др. Но вряд ли в этом случае мы далеко продвинемся по пути создания у наших учащихся того уровня предметной компетенции, который необходим для проникновения в глубинный смысл произведения.

Русский философ И. Ильин в своем исследовании “Творчество И. С. Шмелева” [6: 533] указывал, что писатель строит свою фабулу как бы на внешней, эмпирической последовательности времени, а в сущности идет за календарным годом русского Православия. По замечанию исследователя [6: 533], годовое вращение имеет в России свою внутреннюю, сразу климатически бытовую и религиозно-обрядовую связь. “И вот, в русской литературе впервые изображается этот сложный организм, в котором движение МАТЕРИАЛЬНОГО СОЛНЦА и движение ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНОГО СОЛНЦА срастаются и сплетаются в единый жизненный ход. Два солнца ходят по русскому небу: солнце планетное, дававшее нам бурную весну, каленое лето, прощальную красавицу осень и...белую зиму; другое солнце, духовно-православное, дававшее нам весною – праздник светлого, очистительного Христова Воскресения, летом и осенью – праздники жизненного и природного

благословения, зимою, в стужу – обетованное Рождество и духовно-бодрящее Крещение. И вот Шмелев показывает нам и всему остальному миру, как ложилась эта череда двусолнечного вращения на русский народно-простонародный быт и как русская душа, веками строя Россию, наполняла эти сроки Года Господня своим трудом и своей молитвой” [6: 535].

Обратим внимание на эксплицированную Ильиным тему движения, хода, путешествия, выраженную эпически и лирически. Ильин пишет о двуплановости временных отношений в повести, она очевидна, но, как кажется, не предельна. Имплицитно временные отношения более многоплановы, и это выявляется при углублении в семантику прецедентных феноменов Замоскворечья.

Герой повести, шестилетний Ваня, пребывает в постоянном движении, совершая большие и малые путешествия по Замоскворечью и за его пределы. И ни одно из них не обходится без упоминаний (зачастую пространных и многократных) о Кремле. Именно Кремль является центром этого мира, мира православного, именно он виден практически с любой позиции наблюдателя, к нему устремлены восхищенные взоры героев повествования. Вот фрагмент из небольшой главы “Постный рынок”, повествующей о поездке Вани и его духовного наставника плотника-краснодеревщика Горкина (благочестивого, но малообразованного по светским понятиям старика) за постными продуктами.

Они едут по Якиманке к Варварке. Некоторый комизм поездке придает запряженная в повозку лошадь по кличке Кривая, то и дело останавливающаяся у церквей и там, откуда хорошо виден Кремль, потому что именно в этих местах останавливалась в свое время бабушка героя. Горкин с благоговением комментирует открывающуюся панораму: “Гляди, Кремль-то наш, нигде такого нет. Все соборы собрались, Святители-Чудотворцы... Спас-на-Бору, Иван Великий, Золота Решетка... А башни-то какие, с орлами! И татары жгли, и поляки жгли, и француз жег, а наш Кремль все стоит. И довеку будет. Крестись... Самое наше святое место, святыня самая” [6: с.39]. Далее – внутренний монолог героя-повествователя. “Весь Кремль – золотисто-розовый, над снежной Москва-рекой. Кажется мне, что там – Святое, и нет никого людей. Стены с башнями – чтобы не смели войти враги. Святые сидят в Соборах. И спят Цари. И потому так тихо. Окна розового дворца сияют. Белый собор сияет. Золотые кресты сияют – священным светом. Все – в золотистом воздухе, в дымно-голубоватом свете: будто кадят там ладаном. Что во мне бьется так, наплывает в глазах туманом? Это – мое, я знаю. И стены, и башни, и соборы... и дымные облачка за ними, и эта моя река, и черные полыньи, в воронах, и лошадки, и заречная даль посадов... – были во мне всегда. И все я знаю. Там, за стенами, церков-

ка под бугром, – я знаю. И щели в стенах – знаю. Я глядел из-за стен... когда?... И дым пожаров, и крики, и набат... – все помню! Бунты, и топоры, и плахи, и молебны... – все мнится былью, моей былью... – будто во сне забытом” [6: 40].

Здесь – указание на трансцендентность переживаний героя и одновременно на то, что амбивалентность временных отношений в повести усложняется с каждым путешествием, с изменением позиции героя, взирающего за пределы микрокосма. Взгляд, направленный по ту сторону Замоскворечья, обретает напряженность вектора, указывающего на центр вселенной – Кремль. В зоне направленности вектора – православные храмы. Эта тема эксплицируется в “пограничных ситуациях” – путешествиях. (Именно такие фрагменты и войдут в основной текстовый корпус 1-ой книги “Бедекера”, именно на них базируясь, мы пойдём по Замоскворечью в глубь веков, вместе с учащимися рассуждая о той России, которая унаследовала не только предприимчивость Морозовых и Демидовых, но и духовность Третьяковых и Шмелевых).

Глава “Троицын день” повествует о более отдаленном путешествии героев – в Воробьевку (в современной топонимической терминологии – на Воробьевы горы) за березками для украшения храма накануне праздника Живоносной Троицы. Перечисляются (с комментариями Горкина) церкви, мимо которых едут герои.

“Вон Казанская наша, башенка-то зеленая! – указывает Горкин. А вон, возля-то ее, белая-то... Спас-Наливки, Розовенькая, Успенья Казачья... Григорий Неокесарийский, Троица-Шаболовка... Риз Положение... а за ней, в пять кумполочков, розовый-то... Донской монастырь наш, а то – Данилов, в роще-то. А позадь-то, колокольня-то высоченная, как свеча... то Симонов монастырь, старинный! А Иван-то Великой, а Кремль-то наш, а?” [6: 91].

Каждый из этих храмов оставил след в духовной истории России, и в современной Москве они, небольшие в сравнении с новыми зданиями, неожиданно возникая на их фоне, более гармоничны и не виртуальны, чем современные громоздкие архитектурные фантомы.

В зоне направленности вектора оказывается храм святителя Григория Неокесарийского на Большой Полянке.

Храм Григория Неокесарийского – один из важных стратегических пунктов сюжета 1-ой книги “Московского бедекера”. Церковь интересна своей историей. Современный храм святителя Григория Неокесарийского был воздвигнут на месте деревянной церкви, которую построил князь Василий Темный, внук Дмитрия Донского и прадед Ивана Грозного. Предание гласит, что, находясь в татарском плену (в Казани), князь дал обет: если вернется домой, построит в том месте, откуда увидит Москву, храм во имя того святого, память которого совершается в

этот день. Освобождение из неволи произошло 17 (30) ноября 1445 года – в день празднования памяти святого Григория, святителя и чудотворца Неокесарийского.

(В книге “Житиях святых” св. Дмитрия Ростовского епископ Григорий Неокесарийский /213-275/ предстает естественным, простым человеком, прекращавшим наводнения и сдвигавшим горы лишь силой своей непоколебимой веры. Русским православным святым тоже присуща эта глубокая, раз и навсегда данная вера, без мудрствований и логических выкладок. России близок этот тип [7: 66]). Василий Темный, измученный пленом и долгой дорогой домой, увидел, наконец, Кремль (с места, находящегося немного к юго-востоку от нынешнего расположения храма; вероятно, князь ехал по дороге, совпадающей с современным Старомонетным переулком) и заложил на этом месте храм. Первое здание церкви (деревянное) сгорело. Был построен новый храм – сначала деревянный, а затем каменный (заложен в 1667г.). Храм Григория Неокесарийского как один из пунктов виртуальных путешествий в дискурсивном восприятии позволяет использовать прием модульной проекции различных текстов, сюжетов и тем – виртуальных и действительных, исторических и современных (включая и тему преобразования и возрождения – от Василия Темного после ослепления до Москвы и России). Соединившись (хотя бы в рамках учебного курса), виртуальная и не виртуальная реальности позволяют ощутить российский мейнстрим: направленность российского вектора на Кремль, что прослеживается от текста к тексту. Возможно, это значит, что со всеми мутациями хронотопа и трансформациями масштаба (сейчас Москва с различных ракурсов видна за многие километры до въезда в нее, а от храма Григория Неокесарийского до Кремля 10 минут езды), Россия остается адекватной самой себе. Возрождаются храмы и возвращаются имена и тексты.

У Ильина читаем: “в таких буднях, озаренных праздниками, русский народ прожил тысячу лет и построил Россию... Показывая... глубокие слои русской протонародно-православной духовности и утверждая их бытие, как подлинное и судьбоносное, Шмелев создает художественное произведение национального и метафорического значения. Он как будто говорит за русский народ и от его лица: мы знаем, что мы были и будем живы; мы знаем источники нашей духовной силы; мы им верны и оторваться от них не можем; все трудности нашей природы, все испытания нашей истории, все невероятные задачи нашей сравнительно первобытной, но мощной государственности – мы снесли и пронесли благодаря тому, что ставили свою душу в трепетную близость к Богу” [6: 540].

Когда Ильин писал эти строки, ему было около 70-ти и он прожил в Берлине почти 40 лет. Писал он о своем друге Шмелеве, который был

старше Ильина на 10 лет, писал свои произведения во Франции и, как и Ильин, покинул Россию в 1922 году. Но в текстах этих авторов документально зафиксировано их присутствие, пусть виртуальное, но постоянное, в России. Они каким-то образом смогли сохранить в своей душе не только “любовь к родному пепелищу”, но и доподлинное, в большом и в малом, знание родины. (Именно эти пушкинские строки о “двух чувствах, дивно близких нам”, Шмелев поставил эпиграфом к своей Книге).

Так каким же образом Ильин и Шмелев, и прочие россияне “рассеяния” сумели сберечь свою когнитивную (патриотическую, хотя и индивидуальную) базу? “Современная наука признает сознание феноменом культурозависимым. Сознание формируется в процессе социализации и, следовательно, не может не нести на себе отпечаток той “матрицы” (по Э. Сепиру), которая создана опытом всех предшествующих поколений” [3: 8].

Вряд ли можно было бы назвать разумной установку на пробуждение в инофоне чувств, аналогичных тем, какие питали к России Ильин и Шмелев. Но мы можем попытаться спроектировать такие обстоятельства процесса социализации наших учащихся, вследствие чего они хотя бы не останутся равнодушными к нашим “пепелищам” и “гробам”.

Кому адресована серия “Московский бедкер. Путешествие с классиком”? Возможно, задуманное издание найдет широкий круг пользователей. Не вызывает сомнений, что серия будет востребована так называемым традиционным контингентом иностранных учащихся: высших учебных заведений РФ и в первую очередь учащимися-гуманитариями. Приобщение этих учащихся к социально-культурной сфере начинается еще на подготовительном факультете, но затем, будучи студентами 1 и 2 курсов, они сосредоточивают свое внимание на освоении научного стиля и языка специальности с целью достижения уровня коммуникативной компетенции, необходимой для адекватного профессионального общения в учебно-научной сфере деятельности. Таким образом, экстралингвистическая реальность лишает этот контингент возможности регулярного общения с социокультурным материалом. Но потребность в приобщении к культуре народа-носителя изучаемого языка у учащихся данного контингента остается, и на старших курсах у студентов-иностранцев гуманитарных факультетов появляется возможность посещать традиционные аспектные занятия по анализу художественного текста, страноведению и москвоведению.

Вторым потенциальным контингентом, которым, безусловно, будет востребован аспект “Московское культуроведение”, является корпус учащихся-стажеров. В последнее время курсорное обучение становится все более привлекательным для иностранных учащихся, спектр его

расширяется (это и традиционные “летние курсы”; и программы, рассчитанные на семестр или на учебный год; включенное обучение и др.). Основные коммуникативные потребности стажерского контингента учащихся, как правило, лежат в области социокультурной и обиходно-бытовой сфер деятельности. Исключение составляют научные стажеры, приезжающие в вузы РФ в основном для подготовки диссертационных исследований, написания монографий и др. Поэтому индивидуальные (либо групповые) программы по русскому языку, для реализации которых стажеры приезжают в страну изучаемого языка, традиционно включают, помимо обычных аудиторных занятий, и богатую экскурсионную программу, которая могла бы быть успешно реализована в рамках аспекта “Московское культуроведение” с использованием учебных пособий серии “Московский бедекер. Путешествие с классиком”. Именно такие особенности текстов пособия, как дискретность, компактность, сюжетность и поливалентность как нельзя лучше соответствуют потребностям организации учебного процесса при курсорном обучении.

В заключении выразим надежду, что разрабатываемая программа и создаваемая серия “Московский бедекер. Путешествие с классиком” в обозримый период позволят успешно решить непростую задачу формирования культурного компонента языковой компетенции у различных категорий иностранных учащихся, стоящую перед теорией и практикой преподавания РКИ.

Л и т е р а т у р а

1. *Красных В. В.* Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст). Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1999.
2. *Гудков Д. Б.* Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2000.
3. *Красных В. В.* Виртуальна или реальна виртуальная реальность? (постановка проблемы) // *Язык, сознание, коммуникация*. М., 2000. Вып. 13.
4. *Бурак Е. Ю. и др.* Названия московских храмов. М., 1998.
5. *Михайлов О. Н.* Об Иване Шмелеве // *Шмелев И. С.* Сочинения. В 2-х тт. М., 1989.
6. *Ильин И. А.* Творчество Шмелева // *Шмелев И. С.* Лето Господне. М., 1997.
7. *Св. Дмитрий Ростовский.* Жития святых. Кн. 3. М., 1905.